

ХРУЩЕВСКАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» В ПРИМОРЬЕ*

Игорь Васильевич БЕЗИК,
кандидат исторических наук

При всей внешне кажущейся незначительности в общем контексте истории бурной хрущевской «оттепели» повышение государственных цен в СССР на мясо-молочные продукты с 1 июня 1962 г. тем не менее оказалось не рядовым эпизодом, а по-своему знаковым событием с далеко идущими последствиями.

По существу, впервые за 15 лет, начиная с послевоенной денежной реформы, отмены карточной системы в декабре 1947 г.¹ и последовавшим за ними

* Первая статья авторского цикла «Оттепель» в Приморье.

реальным ростом стоимости жизни (как считают большинство современных исследователей) официально объявлялось о государственном повышении цен. Об этом сообщалось в опубликованном 31 мая 1962 г. постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР. Эта мера шла вразрез с пропагандой неуклонно повышавшегося уровня жизни советского народа. А еще полгода назад, в октябре—декабре 1961 г. в стране (в том числе в Приморье) буквально «клокотала», пожалуй, наиболее массивная за все хрущевские годы пропагандистская кампания (вернее, последний ее этап), связанная с работой XXII съезда КПСС и принятием на нем Программы построения коммунизма в СССР за 20 лет — «рая на одной шестой части Земли»². (Хотя уже тогда «армянское радио» определяло безразмерные по объему выступления Н.С. Хрущева на съезде как «самый длинный анекдот»).

Стабильность цен и их постоянное, неуклонное снижение являлось стержневым экономическим и пропагандистским аспектом всех партийных документов и выступлений Н.С. Хрущева. Фактически руководство страны расписалось в провале сельскохозяйственной политики, что стало отчетливо проявляться уже с рубежа 1950—1960-х годов. (Поэтому и повышались цены — иного выхода руководство просто не нашло).

Можно без сомнения говорить сегодня о том, что постановление 1962 г. во многом предредило дальнейшую политическую карьеру самого Н.С. Хрущева. О его подлинном авторитете среди большинства населения говорить уже не приходилось, тем более в Приморье, где была остро памятна отмена в 1960 г. дальневосточных «надбавок», последовавшая вскоре после визита Н.С. Хрущева в край в октябре 1959 г., когда его гостеприимно, радушно и искренне приветствовали приморцы³. Особенно, если учитывать весь более или менее поступательный позитивный процесс развития страны в 1953 — 1961 гг., даже с его откатами, перехлестами, издержками, авантюрами руководства и т. д., что и сложилось в общее мозаичное панно, именуемое «оттепелью». Немаловажную роль в приукрашивании действительности играла пропаганда. Известный советский историк С.С. Дмитриев (1959) писал в своем дневнике: «Газеты страшно бесцветны и неинтересны. Лакировочно «гром-победо-раздавайский» тон все заполонил». Причем в данном случае на первый план выдвинулось скорее не столько конкретное денежное выражение повышения — хотя и оно оказалось для многих немаловажным, а именно сам факт. Наверное, на это следует обратить внимание в первую очередь. Люди почувствовали себя вновь обманутыми властью. Всем памятны были многочисленные пленумы ЦК (и соответственно Приморского крайкома КПСС) по вопросам сельского хозяйства. В целом бравурные ноты звучали на декабрьском (1958) пленуме ЦК КПСС, рассмотревшем проблемы сельского хозяйства, и в соответствующем постановлении пленума «Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов»⁴.

В январе 1961 г. на пленуме ЦК Н.С. Хрущев выступил с традиционно большим докладом «Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов». Затем были «исторические решения» XXII съезда КПСС. 2 апреля 1962 г. во Владивостоке состоялась очередная III пленум крайкома КПСС, обсудивший вопрос «Об итогах мартовского пленума ЦК КПСС и задачах краевой партийной организации по улучшению руководства сельским хозяйством».

Первый секретарь крайкома КПСС В.Е. Чернышов в докладе отмечал: «Мартовский Пленум ЦК КПСС будет иметь исключительное значение в борьбе за создание в стране обилия зерна, мяса, молока и других продуктов, необходимых для полного удовлетворения растущих потребностей народа». Впрочем, это была дежурная, «забубенная» риторика.

За несколько дней до опубликования известных решений о повышении цен пресса сообщала о выходе в Москве полного стенографического отчета о мартовском пленуме ЦК КПСС (5—9 марта 1962 г.), включавшем доклад Н.С. Хрущева «Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством»⁵. Можно назвать и

такие широко пропагандируемые книги Н.С. Хрущева этого периода по вопросам сельского хозяйства, как «Повышение благосостояния народа и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов» (1961 г.), «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства» (Речи и документы. Т. 2. 1962 г.). В 1962 г. появилась также книга «В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине» (Сб. документов) и т. д.

Для местных партийных органов это повышение явилось серьезным испытанием, приведшим на местах, зачастую, к растерянности и даже панике. Такое испытание «на прочность» было, пожалуй, лишь в феврале-декабре 1956 г. — после XX съезда КПСС, развенчания культа личности И.В. Сталина, последовавшего брожения в советском обществе и контрастности сталинистов.

Острая негативная реакция людей на повышение цен во всех республиках, автономиях, краях и областях необъятной страны была единодушной, в целом схожей по оценкам, если судить даже по немногим имеющимся публикациям по данной теме.

Наиболее драматические события развивались в Новочеркасске, ныне отраженные в серьезных научных публикациях, стали символом фактического перелома, наступившего в стране⁶. Хотя об этой трагедии долгие годы официально умалчивалось, люди узнавали о ней из разговоров «на кухне», и то — далеко не все...

Рассмотрим ситуацию в Приморье, опираясь прежде всего на документы партархива, а также свидетельства современников и участников событий. Предварительно заметим, что проблема устойчивого снабжения населения мясомолочными продуктами по твердым госценам в крае оставалась нерешенной все послесталинские годы, несмотря на определенные улучшения в сравнении с периодом сталинизма.

Переоценка товаров в крае происходила в основном в ночь с 31 мая на 1 июня 1962 г. и была в целом проведена в рамках установленного лимита времени, хотя кое-где фиксировались задержки с открытием магазинов или подачей товаров в торговые залы⁷. Традиционные махинации «работников советской торговли» (припрятывание товара, закуп в большом количестве по «старым» ценам уже после получения инструкций и новых ценников, продажа «нужным людям», в том числе «партэлите», по прежним ценам и т. д.) также последовали незамедлительно, о чем сообщают соответствующие документы архивов и свидетельствуют современники.

Однако это тема отдельная и обозначена тезисно в контексте общей ситуации с повышением цен. По-видимому, в ЦК КПСС в какой-то степени прогнозировали возможную негативную реакцию населения на известие о повышении цен и ориентировали местные парторганы на организацию упреждающей «разъяснительной работы» среди населения. Такой вывод заставляет делать оперативность, с какой была организована эта работа в крае.

И тем не менее относительно большие масштабы недовольства оказались для приморских властей неожиданными, о чем свидетельствовали в беседах с автором и бывшие работники аппарата крайкома КПСС. И что говорит в свою очередь о не совсем ясной картине реальной жизни населения, его политических настроений, в представлениях руководителей края. Хотя среди руководства хватало и циников, знавших все и вся и лишь максимально использовавших в своекорыстных интересах свое «элитарное» положение во властных структурах.

В справке, направленной в ЦК КПСС за подписью первого секретаря крайкома КПСС В.Е. Чернышова, отмечалось, что для разъяснения ситуации, связанной с повышением цен, только во Владивостоке были задействованы 320 агитколлективов и 4220 агитаторов, в Находке — более 700 чел. из партактива и более 900 агитаторов⁸.

Судя по отчетам и справкам, большинство «трудящихся» одобряли повышение цен, т. е. ухудшение своего материального положения. Однако это были запрограммированные фразы в справках — в противном случае грош цена была всему краевому партийному комитету, как и всем другим парторганам. И без-

оговорочно принимать сегодня на веру такие сведения конечно же нельзя. Более объективны сведения «негативного» характера — они реально отражают картину происходящего, и речь может идти лишь о неполном их «раскрытии» и подачи в справках, дабы приукрасить реалии и не навлечь лишний раз «на свою голову» комиссии, проверки и т. п. из Москвы по поводу уровня «партийного руководства». Дополнением к реальной картине могут служить некоторые оперативные донесения работников КГБ, которые в данной публикации в «чистом виде» не используются, а лишь через партийную транскрипцию.

Эта ремарка — больше для будущих молодых исследователей периода «оттепели» в Приморье. Тут уж действительно: «*Verba Volant scripta manent*» — «Слова улетают, написанное остается».

В одном из документов крайкома отмечалось, что наряду с фактически всеобщим одобрением «... имеют место факты неправильного отношения к мерам, принимаемым партией и правительством». Так, в пос. Лазовом г. Сучана «... утром обнаружена написанная от руки и вывешенная на столбе злобная антисоветская листовка, связанная с повышением розничных цен на мясо и масло. Органами КГБ ведется расследование этого факта». Рабочий лесозавода в г. Лесозаводске Сидоренко, «выражая недовольство повышением цен на мясо и масло, заявил: «Чем я теперь буду кормить детей, если мясо и масло так подорожали?»⁹.

В другой справке отмечалось: «Работник УНР—752 в г. Артеме Волков говорил: «Как же жить, когда семья состоит из 5 человек, зарплата у меня 60 р., а цены на продовольствие повысили?». Уборщица цеха 17 арсеньевского завода п/я 7 Давыдченко сказала: «Эти меры я не одобряю, так как мои дети и до этого не видели мяса и сейчас не увидят. Рабочих обманывают, обманули на займах, теперь повысили цены». Работница крайкомхоза высказалась еще резче: «Не только нет мяса, а вообще, что нам дала Советская власть? Одни трудности. А строим коммунизм!»¹⁰.

«Ряд демагогических и неправильных высказываний имел место в городе Владивостоке», — отмечалось в документе. Они также приводились. «Работница музыкальной мастерской Шабловская проявила недовольство, что она получает 50 р., и ей теперь редко придется покупать мясо и масло». Слесарь мехмастерских парохода «Давыдов», коммунист Бортников жестко заявил на заседании партбюро и актива: «Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР направлено на то, чтобы мы, рабочие, подтянули животы, и пора кончать с этим, что начальство ест курочек, а мы, рабочие, ничего».

Аналогичные высказывания были отмечены на пароходе «Черемхово» и т. д.¹¹ «Радиомастер завода «Металлоремонт» Рубан заявил, что в начале 50-х годов при Сталине он жил лучше, каждый год снижались цены на продукты питания, что он без мяса и масла не жил, а сейчас положение резко ухудшилось. Кроме того, — говорил он, — у меня отняли займы на 16 тыс. рублей, а теперь — новые цены на мясо и масло»¹².

Схожие с последним высказывания отражены в других справках. В находке сторож Доменко заявил, что «цены при Сталине снижали, а сейчас повышаются». В Пограничном районе столяр Князькин злобно заявил: «Когда жил Сталин — цены снижались, а сейчас все время повышаются».

Хорошие воспоминания о «добрых, старых временах» (при Сталине) были в данном случае оценкой людьми результатов деятельности хрущевского руководства к середине 1962 года¹³. Любопытно, что слухи о предстоящем повышении цен на отдельные виды продуктов питания (как и о предстоящей денежной реформе) прокатились по Приморью еще в 1958 г., вызвали немалый переполох и интенсивно опровергались парторганами, видевшими в них «империалистическую пропаганду» радиостанций «Байкал», «Голос Америки», которые работали с территории Южной Кореи, Японии, Тайваня...

С другой стороны, повышение цен на легковые автомашины затронуло лишь незначительную часть населения страны и не вызвало сколько-нибудь серьезных обсуждений в Приморье. Это объяснялось, к примеру в Сучане в 1958 г., в «народной молве» следующим образом: «... организовали Совнархозы

и их работникам не на чем ездить. Для них стали больше автомашин изготовлять, а для продажи цены повысились»¹⁴. «Слухи являются едва ли не основным источником информации общества и народа», — писал в своем дневнике в 1957 г. С.С. Дмитриев. (По имеющимся сведениям, денежную реформу действительно намеревались провести в 1958 г. Были изготовлены и металлические, и бумажные деньги, которые затем отправили на переработку в связи с отложенной реформой). В 1961 г. была проведена денежная реформа, с июня 1962 г. началось повышение государственных цен на мясо и молоко...

Резкие слова в отношении повышения цен высказали работница Уссурийского масложиркомбината Жовтун, швея Михайловского комбината бытового обслуживания Буланова. Работник железнодорожной станции Гродеково Епин так прокомментировал постановление, связав его с недавним запретом властей иметь скот в личном пользовании в городах и рабочих поселках: «Скот у населения порезали, а сейчас хотят выйти за счет наценок». Эта же мысль содержится в анонимном вопросе, заданном на одном из собраний: «Не было ли ошибкой то, что в городах было запрещено держать скот?»

В справке по Дальневосточному пароходству отмечалось: «Отдельные моряки, портовики (т/х «Вилуйск» и п/х «Черемхово») высказали мысль о том, что решение правительства о запрещении держать скот в городской местности было принято преждевременно». Такие же утверждения неоднократно фиксировались на встречах в Ленинском районе г. Владивостока.

Вопрос о запрете держать скот был одним из самых болезненных в стране за последние несколько лет. Наверное, закономерно, что, чем ниже было положение критикующих в социальной иерархии общества, тем резче и правдивее они строили свои высказывания (уборщицы, дворники, рядовые рабочие предприятий). Люди были ошарашены неожиданностью решения, о чем уже писали вначале.

«Почему только сейчас увидели это положение, а не проанализировали раньше?».

«Почему вопрос не был решен о закупочных ценах на мартовском пленуме 1962 г.?» (так в документе. — **Прим. авт.**).

«Почему это (положение с мясо-молочными продуктами. — **Прим. авт.**) не решали раньше?».

Вышеперечисленные вопросы были заданы в Ленинском районе г. Владивостока. И честных ответов не получили.

С.С. Дмитриев откровенно записал в своем дневнике в связи с упомянутым пленумом (публикация в журнале «Отечественная история»): «Пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. Огромный доклад Хрущева. Много в нем всего было наговорено... Но одно ясно, и закрыть эту ясность нельзя ничем: русская деревня умерла». (5—10 марта 1962 г.).

«Нет ли принципиальных расхождений между программой КПСС и обращением ЦК и Совмина?» — это уже из другой справки. Коммунистическая утопия, в которую еще верила (и это надо признать) значительная часть населения, буквально рушилась на глазах. «Почему же раньше все продукты были, а сейчас мы строим коммунизм, а продуктов мало, цены не снижаются, а повышаются?» — эмоционально вопрошала работница пос. Тавричанки Горбунова¹⁵.

Вопросы, надолго ли повысились цены, задавались, видимо, надеясь на переходящий характер предпринятой акции. Ведь в обращении ЦК и Совмина указывалось: «Дорогие товарищи! Некоторое повышение цен на мясо и мясные продукты, а также на масло — это мера временная...»

Цены на мясо и мясные продукты повышались в среднем на 30 %, в том числе на говядину — в среднем на 31 %, баранину — на 34 %, свинину — на 19 %, колбасные изделия — на 31 %, масло животное — на 25 %. Эти цифры приходится называть, так как современные авторы, в частности в прессе, передегивая факты в угоду «антикоммунистической пропаганде», указывают цифры 50 % и 35 % соответственно. Одновременно снижались цены на сахар — 5 %, на непопулярные в народе ткани из вискозной штапельной пряжи — в среднем на 20 % и соответственно швейные и галантерейные изделия из этих тканей¹⁶.

Встречались в архивных документах и «сопутствующие» вопросы — почему часто задерживают выплату зарплаты?¹⁷ (Это к вопросу о мифе, что при социализме везде и всегда зарплату платили вовремя). Параллельно встречались вопросы о том, что будут делать власти с имеющейся в ряде мест края безработицей? (Вопрос о трудоустройстве безработных, в частности в Артеме, задавался партфункционерам и в 1959 г. во время аналогичных пропагандистских акций, но связанных с итогами работы XXI съезда КПСС).

Люди спрашивали, почему не закупается мясо за границей, коль его не хватает, не повышается зарплата, почему цены на молоко не снижаются в связи с применением новых механизмов дойки коров. (У всех на слуху была рекламируемая доильная установка «елочка»).

Многих интересовали возможные последствия повышения цен для других сфер социальной жизни. Так, в Ленинском районе Владивостока членам агитационно-пропагандистских спецгрупп задавали вопросы: «Не будет ли повышена стоимость путевок в пионерлагеря, дома отдыха в связи с повышением стоимости питания?». Аналогичные вопросы касались детских и яслей.

Самым точным «барометром» настроений «рабочего класса» в Ленинском районе Владивостока и, пожалуй, в крае, считался Дальзавод, которому всегда уделялось первостепенное внимание во всех акциях парткомов всех уровней. В данной кампании «Дальзавод» также не обошли.

Если сравнивать заданные вопросы и высказывания «трудящихся», хотя бы за период 1959 — 1961 г., т. е. с начала «развернутого строительства коммунизма» (XXI съезд КПСС) и принятия программы строительства коммунизма (XXII съезд), то они в той или иной форме предвосхищали аналогичные вопросы июня 1962 г. своей тематикой, направленностью и т. д. Разве что не было обиды, злости, растерянности, характерных для июня 1962 г. «Будет ли у нас полный достаток промышленных и продовольственных товаров в конце семилетки?», «Будет ли снижение цен в семилетке?», «Мы производим сейчас молока больше, чем США (так утверждала пропаганда. — Прим. авт.), а почему в Артеме его так мало?» и т. д. Это — часть вопросов, прозвучавших на встречах в г. Артеме по итогам работы XXI съезда КПСС (документ датирован апрелем 1959 г.). Схожие вопросы — об отсутствии в продаже многих продовольственных товаров, низкой зарплате, высоких ценах и т. д. задавались и при обсуждении документов XXII съезда КПСС. «Почему у нас не хватает продуктов животноводства и какие есть надежды на увеличение количества этих продуктов?» (Владивосток, 1961 г.). «Как реагируют правительство и центральные органы на плохое продовольственное снабжение населения?» (Арсеньев, 1961 г.) и т. д.¹⁸

Одновременно в коллективах в июне 1962 г. высказывались постоянные и традиционные для советского периода предложения ограничить цены на рынках на мясо и молоко. К примеру, члены экипажей ряда судов ДВМП требовали законодательного регулирования цен на рынке на мясо, молоко, другие продукты, выражая опасения, что последние события спровоцируют всплеск цен в негосударственной торговле¹⁹.

Обращалось внимание и на плохую трудовую дисциплину в совхозах и колхозах, недостаточную последовательную и зачастую неэффективную борьбу с тунеядцами в городах и селах, что, по мнению ряда выступавших, усугубляло проблему с обеспечением страны продовольствием. В выступлениях участников собраний звучали и предложения (попытки найти альтернативы повышению цен на продовольствие) о повышении цен на вино-водочные и табачные изделия, телевизоры, автомобили, ковры и т. д. Как свидетельствует практика, именно такое повышение «на предметы роскоши», а не «первой необходимости» неоднократно применялось руководством Л.И. Брежнева в 70-е годы.

Высказывались и диаметрально противоположные предложения — «Почему не снизить цены на продукты, менее необходимые, как, например, вино-водочные изделия?», «Почему не снизить цены на другие продукты?». И вновь здесь вспоминаем времена Л.И. Брежнева — тогда действовали более гибко и

все повышения цен сопровождали одновременным снижением цен на ряд других товаров (услуг). Иное дело, что при их сопоставлении не наблюдалось потребительской равноценности.

Надо полагать, что в более позднее время «предложения трудящихся» все же проходили какую-то экспертизу аналитиков ЦК в преддверии принятия очередных решений о повышении цен, а также с учетом прежних негативных реакций населения. Система не находила иных механизмов решения проблем, кроме повышения цен волевым решением. Любопытно, что в секретной записке председателя Комитета госбезопасности при Совете министров СССР В.Е. Семичастного ЦК КПСС, датированной 2 июня 1962 г. и уже опубликованной в открытой печати, приводятся примеры высказываний недовольных повышением цен по ряду регионов страны. И все они (высказывания) «от Москвы до самых до окраин» абсолютно схожи по сути, а часто и по форме, с оценкой приморцев²⁰.

Тогда, в июне 1962 г., высказывались мнения о необходимости прекращения сверхщедрой безвозмездной помощи молодым развивающимся государствам Азии и Африки, странам «народной демократии». Такие настроения уже давно имели в советском обществе устойчивый и повсеместный характер, и Приморье не является исключением. (Это были реалии в пику официально пропагандируемому, но очень обременительному и саморазорительному «пролетарскому интернационализму» в его тогдашней интерпретации советскими лидерами). Выражались также сомнения в целесообразности осуществления дорогостоящих космических проектов, продолжавшихся 5 лет (с октября 1957 г.) и не приносивших «простому» труженику видимых «осязаемых» результатов при все ухудшающемся положении с продовольствием в стране (ни спутников связи, ни метеорологических, ни навигационных и т. д. еще не было).

Надо отметить и тот факт, что уже изначально в «народе» было широко распространено мнение о колоссальной стоимости «космоса» — ракет, спутников и т. д., о ненужности, а лишь престижности этих запусков. Судя по архивным документам конца 1950-х — начала 1960-х годов, реальная стоимость космических запусков, самих спутников и т. п. весьма интересовала слушателей, и соответствующие вопросы нередко задавались лекторам парткомов и обществ по распространению научных знаний. Невнятные и дилетантские ответы последних (иные и не могли быть при тогдашней сверхсекретности еще больше подливали масло в огонь).

Вот пример, взятый из архивных источников. Как отмечалось в докладе на краевом совещании по идеологическим вопросам 25 октября 1960 г.: «Лектор Общества по распространению научных знаний т. Бритиков после лекции о международном положении на вопрос одного из слушателей, сколько стоит современная ракета, ответил: «Современная ракета стоит столько, что на эти средства можно было бы построить два таких района, как Шкотовский и еще каждому мужику осталось бы на пол-литра «сучка» (популярная дешевая водка из древесного спирта. — Прим. авт.). А когда его спросили: «Откуда вы берете такие сведения, так как этого не было в нашей печати?» — Он ответил: «Задача лектора в том и состоит, чтобы говорить о том, чего нет в нашей печати»²¹.

Одновременно было широко распространено мнение о том, что «продырявленный» ракетами «космос» является причиной столь резкого изменения климата и, в свою очередь, частых неурожаев, настигавших СССР в последние годы.

Думающие люди пытались искать ответы в иной плоскости. С.С. Дмитриев записал в дневнике (19 апреля 1961 г.): «Странное что-то происходит. В космос мы рвемся все напористее, спутники запускаем. А трудности повседневные растут — состояние сельского хозяйства, видимо, все запутывается. Что же делать с колхозами, все более неясно. Общественное настроение как будто бы становится каким-то раздраженным, ожидания — неудовлетворенными».

А в записи, датированной 25 апреля 1961 г., он отметил: «В Москве стало очень плохо со снабжением продуктами — мяса, масла и молока достать трудно. Отпускают в одни руки ограниченными количествами. Вообще впе-

чатление такое, будто бы состояние дел в сельском хозяйстве крайне запуталось». И это в «показушной», находящейся на особом режиме снабжения Москве...

К 1962 г. положение в стране с продовольствием еще более обострилось. Так называемое «молчаливое большинство», участвовавшее в многочисленных собраниях в июне 1962 г., вообще не задавало никаких вопросов и никак публично не комментировало повышение цен, однако молчанием оно фактически солидаризировалось с результатами «дворцового переворота» и отстранением Н.С. Хрущева от власти в октябре 1964 г.²² Тогда же несколько оживились надежды на улучшение дел на потребительском рынке. Неслучайно в октябре—ноябре 1964 г. в Приморье было распространено следующее «оптимистическое» четверостишие:

Товарищ, верь — придет она,
На водку старая цена!
И на закуску будет скидка —
Ушел на пенсию Никитка.

В Приморье, как известно, не было открытых массовых проявлений недовольства или выступлений, связанных с нарушениями общественного порядка, имевших место в ряде регионов СССР летом 1962 г. В специальной справке, направленной в адрес ЦК КПСС 4 июня 1962 г. за подписью первого секретаря крайкома КПСС В.Е. Чернышева, особо подчеркивалось, что «отрицательных явлений, носящих острый политический характер, в крае нет». Аналогичная формулировка присутствовала и в другой справке, направленной в адрес ЦК КПСС за подписью секретаря крайкома П.А. Антохина 5 июня 1962 г. И все же 7 июня 1962 г. вопрос был рассмотрен на секретариате крайкома ввиду того, что был весьма значительный (неожиданный) объем информации о недовольных повышением цен. Было принято решение «усилить разъяснительную работу, особенно с теми, которые проявляют неправильное понимание необходимости повышения закупочных и розничных цен». В.Е. Чернышев подписал новую справку в ЦК о ситуации в крае в связи с повышением цен 11 июня 1962 г.²³

В середине июня 1962 г., спустя полмесяца, ЦК КПСС и Совмин вновь выпустили обращение, адресованное «колхозникам и колхозницам, рабочим и работницам совхозов, руководителям колхозов и совхозов, ученым и специалистам сельского хозяйства, работникам производственных колхозно-совхозных управлений, партийным и комсомольским организациям, коммунистам и комсомольцам колхозов и совхозов, всем труженикам деревни». В нем, как отмечалось, власти «решили... откровенно поговорить о самых неотложных вопросах дальнейшего подъема животноводства». В документе особо уделялось внимание недавнему повышению закупочных цен на мясо и животное масло и т. д.²⁴

И все же основное предназначение откровенно пропагандистского документа, как представляется, было еще одной попыткой «объясниться» (закамуфлированно) с населением по поводу повышения розничных цен и как-то смягчить и погасить волну недовольства, которая возникла вследствие данного решения. В то же время пресса была девственно чиста в отношении любой реакции населения — об этом попросту ничего не писали. Были более «важные» темы — внутрипартийная жизнь, социалистическое соревнование, «американский империализм»...

Накал страстей, вызванный повышением цен в июне 1962 г., постепенно пошел на убыль. Этому в немалой степени способствовала пропаганда, не говоря уже о жестком прессе всей партийно-государственной машины отнюдь не демократического государства. Согласно соответствующему инструктивному письму, датированному июлем 1962 г., всему руководящему и оперативному составу органов госбезопасности СССР предлагалось «принять меры к решительному усилению агентурно-оперативной работы по выявлению и пресечению враждебных действий антисоветских элементов внутри страны». Одной из мер называлась создание нового управления в структуре спецслужб, на которое возлагалась функция по организации агентурно-оперативной работы

на крупных и особо важных промышленных предприятиях. Одним из первых «полигонов» такой деятельности в Приморье стал владивостокский «Дальзавод». С учетом последних событий в стране в июле 1962 г. была принята статья 70 УК РСФСР, фактически восстанавливавшая политические репрессии, придававшая им легитимность.

Такова была первая непосредственная реакция Центра на события июня 1962 г. в стране. Однако несомненное усиление идеологического, юридического и политического давления на население не шло ни в какое сравнение со сталинскими временами.

Любопытный исторический парадокс: Н.С. Хрущев вместе с другими членами нового «коллективного руководства» начал «править» страной, проводя для увеличения своей популярности с 1 апреля 1953 г. новое и самое крупное за послевоенные годы снижение цен на многие продукты питания и практически на все потребительские товары. (Но в народной памяти и оно осталось как «сталинское снижение цен»). Завершалось правление Н.С. Хрущева фактически скандальным конфузом — повышением цен с 1 июня 1962 г.

В пропагандистском плане такие события, как поход советской атомной подводной лодки «Ленинский комсомол» к Северному полюсу (июль 1962 г.), полеты советских космонавтов А.Г. Николаева и П.Р. Поповича на кораблях «Восток-3» и «Восток-4» (август 1962 г.), пришлось как нельзя кстати. «Новые победы советской науки и техники!», «Новые достижения строителей коммунизма!» и т. д.

Внешняя угроза также продолжала оставаться серьезным пугалом и инструментом манипуляции людьми. Тем более «в народе» давно было приковано внимание к «Карибскому кризису», грозившему перерасти в мировую термоядерную войну с участием СССР и США.

Тут уж было не до скакнувших цен — к ним постепенно привыкли — «лишь бы не было войны...»

¹ Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары. М., 1947.

² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 30. Д. 8; 118; Д. 14. Л. 105, 325—331; Д. 95. Л. 85—88 и др.

³ Безик И.В. Октябрь 1959 года: Н.С. Хрущев в Приморье: Ретроспективный взгляд через сорок лет. Владивосток, 2000.

⁴ Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 15—19 декабря 1958 г. Стеногр. отчет. М., 1958; См. также: Партия — организатор крутого подъема сельского хозяйства СССР: Сб. документов (1953—1958). М., 1958; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960 и др.

⁵ Боевая вахта. 1962. 22 марта, 4 апр., 27 мая.

⁶ Новочеркасская трагедия // Ист. архив. 1993. № 1. С. 110—136. № 4. С. 143—177.

⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 433. Л. 61—68 и др.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 77, 78.

¹¹ Там же. Д. 30. Л. 194—195.

¹² Там же. Д. 433. Л. 18—19.

¹³ См.: О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления. 28 февраля 1949 г.: Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). М., 1950; О новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары: Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) // О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют. М., 1950 и др.

¹⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 104. Л. 148; Д. 157. Л. 115, 116; Д. 97. Л. 93 и др.

¹⁵ Там же. Д. 433. Л. 71, 78, 68; Д. 39. Л. 176; Д. 30. Л. 194.

¹⁶ Общая газета. 2000. № 31; Боевая вахта. 1962. 1, 2 июня.

¹⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 433. Л. 71.

¹⁸ Там же. Д. 110. Л. 131; Д. 95. Л. 86; Д. 8. Л. 12 и др.

¹⁹ Там же. Д. 39. Л. 180; Д. 30. Л. 194 и др.

²⁰ Хрестоматия по отечественной истории (1946 — 1995). М., 1996. С. 70—72.

²¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 120. Л. 23.

²² Безик И.В. Некоторые проблемы хозяйственной реформы 1965 года: (Взгляд историка) // Уч. зап. факультета политологии ДВГУ. Вып. 1. Владивосток, 1995. С. 63—65.

²³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 30. Д. 433. Л. 72, 78, 73—75.

²⁴ Боевая вахта. 1962. 17 июня.

SUMMARY: The author of the article «Thaw» in Primorye» Igor V. Bezik, Candidate of Historical Sciences tells about the events of 1962 followed by increasing state prices in the USSR. As a fact, it was announced for the first time for 15 years since postwar pecuniary reform and abolition of rationing system in December 1947. The author noted sharp negative reaction of the people on this decision of the Party and Government.

As it is known, in Primorye there were no open mass display of dissatisfaction and some meetings entailing breach of the peace. In June of 1962 the tension caused by the increase of prices began to decline. But in 1964, when N.S. Khrushchov was discharged, many people got hope for improvement of their life.